

Заглавие документа	Функциональная предназначенность топонимного знака: единство или многообразие? // Sociokultúrna realita a prnroda: Zborník recenzovaných vedeckých prác s medzinárodnou účasťou / Editor: O. Glosnkovb. – Прельов: Technickb univerzita v Kolyiciach, Fakulta výrobných technológií so sldlom v Прельове. – S. 263–269.
Авторы	Копач О.И.
Тема	Языкознание
Дата публикации	2005
Аннотация	Функциональные особенности топонимных знаков рассматриваются в статье с позиций функционально-семиологического направления когнитивной лингвистики. Собственные имена болот (гелонимы) изучаются под общепризнанным углом, т.е. как единицы языка, которые реализуют функцию точного ориентира. Особое внимание уделяется отграничению структуралистского подхода исследования топонимов от более продуктивного пути, который учитывает как структурные особенности, так и основные характеристики денотата (единичность) и функциональную предназначенность топонима (быть дифференциатором). В результате исследования на основании формальных и содержательных особенностей топонимов выявляются 3 варианта функции ориентира – нуль-координация, системная координация и внутрисистемная координация.

Вопрос о функциях топонимов неизменно присутствует в любом научном исследовании географических имен, и в решении этой проблемы спектр возможных мнений колеблется от признания ведущей роли функции ориентира, характерной для всех топонимов (В.М.Мокиенко, Э.М.Мурзаев, В.А.Никонов и др.), до выявления списка функций, выполняемых географическими названиями в обществе (В.Д.Бондалетов, М.В.Голомидова, А.В.Суперанская и др.).

Общая функция всех собственных имен – номинативно-дифференциальная [4, с. 119]. Имена называют объекты мира, одновременно отграничивая их от иных субъектов или реалий. Эта функция имен собственных объединяет их с остальными словами языка. Отграничение от нарицательных имен может осуществляться указанием на отсутствие функции характеристики [17, с. 42] или существование функции конкретизации общего понятия по признаку наименования [18, с. 104] и т.д. Характеризующая функция обычно рассматривается как недоступная ониму, т.к. собственное имя не может обобщать. К тому же функционирующая на ономастическом уровне единица может утратить мотивацию и превратиться в непонятную для нового поколения метку [13, с. 44].

Тем не менее, такие метки, как *Александр* или *Братислава*, актуализируют в сознании субъекта самые разные сведения. Имя собственное, по мнению многих ученых (А.В.Суперанской, В.И.Болотова и др.), накапливает информацию в процессе функционирования в обществе [3, с. 345; 15, с. 273]. Неслучайно семантика топонимов многими определяется как «расширяющийся конус наших знаний об объекте» [1, с. 75]. Отсюда – признание аккумулялирующей функции. В свете когнитивного подхода можно предположить, что сбор данных осуществляется уже при восприятии объекта (до появления имени), предшествуя созданию словообразовательной модели, складыванию семантических маркеров.

Собственное имя реалии, будь то название реки или озера, города или села, нацелено на то, чтобы сориентировать человека в пространстве. Специфику топонимов описал Ю.А.Карпенко: «Если деэтимологизации имен нарицательных противостоят семантические связи нарицательных слов, то в топонимических названиях семантика начисто заменена территорией... Синтагматические противопоставления топонимических названий реализуются в совокупности всех топонимов какой-либо довольно ограниченной местности» [10, с. 48–51]. Едва ли можно принять утверждение Ю.А.Карпенко о полном отсутствии семантики у топонимов. Но можно согласиться с ним, что, отмечая подобие семантических связей апеллятивов и территориальных связей топонимов, он не ограничивает последние одним классом. Ведь топоним появляется не в подсистеме названий, а в целостном топонимном пространстве, внутри которого «перегородки» устанавливаются только учеными.

До сих пор предназначенность топонима не рассматривалась лингвистами с позиций **функционально-семиологического (когнитивного) подхода**. Данная статья – попытка восполнить этот пробел и дать интерпретацию особенностей структуры топонимов на примере одной из подсистем топонимии. В качестве материала исследования взяты собственные имена болот (гелонимы) Беларуси и США, почерпнутые из кадастровых справочников БССР и с официального сайта американского географического общества (www.usgs.gov).

Функционализм включает положения об интенциональной основе функций, о соотносительности функции с формой, об обязательности функции у каждого периферийного элемента системы. «Функция» берется как единство действия,

выраженное в упорядочении различных представлений под одним, общепризнанным углом зрения [8, www.infolex.ru/funcfull.html].

Для топонима общепризнанным углом зрения, первичной функцией является адресная, ориентирующая. Функционирование собственного имени в значительной степени зависит от контекста – исторического, социального, географического, этнического окружения объектов. Однако помимо этих специфичных локальных особенностей топонимные знаки в целом и имена каждой конкретной подсистемы в частности не могут не иметь особенностей, которые внутренне присущи данному виду объектов вследствие его языковой противопоставленности в сознании человека другим видам и категориям объектов и, как следствие этого, некоторой оценки субъектом данного вида по сравнению с другими: «В себе сущий предмет никогда не бывает таким, чтобы сознание и «я» сознания не имели касательства к нему...» [7, с. 15–16].

Поскольку функционально-семиологический подход опирается на тезис об обеспеченности формирования смысла конкретными языковыми механизмами (определенными словами, морфемами и их сочетанием) [2, с. 100], то выявление взаимосвязи объекта и сознания возможно при последовательном соотнесении грамматических показателей имени данного класса с особенностями денотата (единичный объект) и функцией топонимного знака. По словам Н.Н.Болдырева, «общение состоит в передаче определенных смыслов друг другу. Системное значение используемого слова при этом активизирует соответствующий концепт, обеспечивая понимание и формирование необходимого смысла. Формирование смысла обеспечивается взаимодействием лексического и грамматического значений. Грамматическое значение структурирует активизированный концепт тем или иным способом <в нашем случае – как единичный объект – О.К.>, а лексическое значение выделяет в нём конкретную содержательную часть» [2, с. 97].

Собственные имена отличаются от слов общей лексики тем, что грамматическое структурирование осуществляют только морфемы-дериваторы. Даже род топонима часто не соотносится с родом номенклатурного термина (слово *болото* среднего рода, а собственные имена болот могут быть представлены единицами мужского и женского родов: *Вінец, Дабраслаўка* и др.), а форма множественного числа обычно не свидетельствует о реальной множественности объектов (единичные объекты *Груды, Казловічы* и др.). Обычно эти морфологические показатели имени существительного

являются только деривационными морфемами [16, с. 114], которые служат отграничению онимов от апеллятивов. Итак, словообразовательный формант является единственным грамматическим показателем единичности (собственного имени).

Однако деривационная структура и смысловая структура не совпадают. Первая только разделяет топооснову и топоформант и классифицирует их по отдельности: англ. *Jack Creek* > *Jack Creek Marsh*, бел. *Чэrvень* > *Чэrvеньскае балота*. Для анализа смысловой структуры недостаточно указания на семантику топоосновы и деривационную морфему, послужившую средством создания новой материальной формы. Сущностная характеристика топонима заключена в его дифференцирующем признаке и характере связи этого признака с объектом.

Именно дифференциатор позволяет говорить о топониме как о самостоятельном языковом знаке, способном отграничивать одну реалию от другой. Если апеллятивы, т.е. слова общей лексики, в славянских языках часто определяют свою принадлежность тому или иному классу слов при помощи суффиксов: *синий*, *синева* и т.д., которые позволяют не только классифицировать единицы, но и распределить их по позициям в предложении и даже передать коннотации (*чтец*, *читака*, *читатель*), то имена собственные в любом случае играют роль субстантивированного члена предложения, а потому их классифицирующая часть избыточна: ср. *Куцькава балота*, *Станькава*, *Юркава*. Это в одинаковой мере приложимо как к составным наименованиям, так и к простым. Даже суффикс-дериватор в топонимии зачастую по аналогии присоединяется к дифференцирующей части, лишь подтверждая субстантивный статус онима. Так, по словам А.М.Селищева, посессивные суффиксы -ов-, -ин- в топонимии «применяются и в таких названиях, которые не имели значения принадлежности» [14, с. 73]. К тому же в славянской топонимии не существует однозначного соответствия аффикса характеру объекта: форманты -ка, -ица и др. могут применяться при создании имен любой топонимной подсистемы. Топоним *Каменка*, к примеру, может быть собственным именем реки, озера, болота или иного объекта местности. Формально суффиксальный компонент подтверждает новый топонимный статус единицы, но, с точки зрения содержания, значение форманта-дериватора всегда одно и то же – он выражает неоднозначное указание на принадлежность одной из топонимных подсистем. В американской топонимии видимая однозначность дериватора также не всегда

соответствует реальному положению дел: англ. *Dinkins Bay, Greenbriar Pond* (названия болот).

Если «чистое» словообразование разграничивает значимость корневых и аффиксальных морфем [11, с. 157], то выявление характера связи этих морфем в топониме уравнивает их в правах. Это справедливо, т.к. роль дифференциатора не всегда играет словообразовательная основа, а семантическая нагрузка номинативных средств неравнозначна. В сфере апеллятивной лексики форманты как изменяют значение производной единицы, так и только уточняют его. В работах, учитывающих психологическую основу человеческой деятельности, возникновение суффиксального типа рассматривается как результат последовательного стяжения сочетания сначала до сложного слова, а затем до однословного конденсата [19, с. 32]. В топонимах суффикс играет роль сжатого до минимума географического термина-субстантиватора [5, с. 94]. Подтверждение этому обнаруживается и при диахроническом исследовании: «на дотопонимическом этапе существуют только топонимические эквиваленты, т.е. описательные конструкции, предшествующие названию» [6, с. 12]. Префиксация в топонимике обычно определяется как лексикализация словоформы [9, с. 155]. И хотя в дальнейшем «повторяющиеся психические процессы начинают протекать автоматически» [19, с. 28], само появление словообразовательного средства свидетельствует о расчленении первоначально синкретичного восприятия объекта [12, с. 123].

В наименованиях болот грамматико-derivационное значение единичности структурирует концепт локации (расположения на местности) таким образом, что топоним указывает на:

(1) выход за рамки онтологических свойств объекта, восприятие не объекта, а его окружения. Данный способ представления включает гелонимы, в которых принадлежность системе собственных имен болот не выражена языковыми средствами: *the Marsh, Flynn's Lake* и подобные им названия. В первом из двух примеров единица гелонимной подсистемы структурно равна апеллятиву английского языка *a marsh*. Определенный артикль свидетельствует о знакомстве номинатора с объектом, но он способен появляться в препозиции к существительному не только в пределах гелонимной подсистемы, но и в контексте высказывания. Т.е. детерминатив не может считаться средством преобразования апеллятива в оним. Вторым примером может быть

образцом для номинации собственным именем озера: географический термин *lake* не имеет «болотной семантики». При использовании этого имени в гелонимии семантика географического термина не соотносится с характером объекта, и оним становится топонимным «фразеологизмом» [5, с. 93]. Очевидно, в данной группе имен заболоченный объект не воспринимается в полной мере в качестве **точного ориентира**: он указывает на вид объекта, без выделения индивидуализирующего признака или дублирует в гелониме название другого объекта;

(2) выявление и актуализацию одной из неотъемлемых характеристик объекта. В эту группу входят единицы, в которых встречается непосредственное (английский язык) или опосредованное (славянские языки) указание на характер объекта, подвергнутого языковой номинации. Т.е. в этой группе имен принадлежность к гелонимии выражена посредством слов-морфем: англ. *Big Lagoon Marsh, Vestals Swamp*, бел. *Вітгеніштэйнаўскае балота* и др. – или при помощи неоднозначных славянских формантов: бел. *Беліца, Бярозавік* и др. Факт появления новой морфемы (**во всех случаях – субстантивной**, т.е. объект / субстанция наделяется признаком) при создании гелонима свидетельствует о внимании номинатора к болоту как объекту реальности и ориентиру;

(3) расподобление двух объектов одного и того же вида. Это способ представления, включающий гелонимы, в которых названия двух и более прилегающих друг к другу объектов имеют общую часть, равную единицам двух вышеописанных групп, и отличаются только морфемой-дифференциатором. Уточнение информации способно происходить исключительно в межгелонимном взаимодействии в случаях, когда морфемный состав названий объектов совпадает: англ. *Dover Swamp > Great Dover Swamp*, бел. *Кун'е > Вялікае Кун'е*.

Такому распределению гелонимов по группам соответствуют прозрачные субфункции топонима (гносеолого-функциональные причины): 1) нуль-координация (новый оним способен ориентировать нас, даже не объявляя статуса нового объекта, обозначенного именем); 2) системная координация (он может выделять особенности нового объекта среди всех наименований языковой системы); 3) внутрисистемная – в нашем случае внутригелонимная – координация (собственное имя выявляет отличия одной единицы подсистемы от другой).

Таким образом, функционально-семиологический подход к топонимии позволяет отметить, что даже основная ориентационная функция топонима варьирует, а в пределах «однофункциональных» собственных имен отмечается 3 различных способа представления топонимных единиц. При этом дифференциация функции топонима отмечается в плане выражения и в плане содержания. Отмеченные субфункции топонима (нуль-координация, системная координация, внутрисистемная координация) являются результатом рассмотрения человеком одинаковых объектов с разных позиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е.Л. Семантические микросистемы топонимов как факт номинации // Номинация в ономастике. Сб. ст. / Под ред. М.Э.Рут. – Свердловск, 1991.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов, 2002.
3. Болотов В.И. К вопросу о значении имен собственных // Восточнославянская ономастика. – М.: Наука, 1972. – С. 333–345.
4. Воронова И.Б. Textoобразующая функция литературных имен собственных (на материале эпических произведений XIX – XX вв.): Дис. ... канд. филол. наук / ВГПУ. Волгоград, 2000.
5. Голев Н.Д. Естественная номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики. – 1974. – № 8–9. – С. 88–97.
6. Горожанкина Л.В. Проблемы динамики топонимической системы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1979.
7. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии // Язык и интеллект. – М, 1995. – С. 14–94.
8. Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике XX века // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты. – М., 2000 (www.infolex.ru).
9. Емельяновіч В.М. Структурныя тыпы мікратапонімаў-назоўнікаў // Беларуская анамастыка, 2: 3б. арт. / Рэд. В.П.Лемцюгова. – Мн., 1981. – С. 139–160.
10. Карпенко Ю.А. О синхронической топонимике // Принципы топонимики. – М., 1964. – С. 45–57.
11. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А.Леканта. – М., 1995.

12. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997.
13. Матвеев А.К. Методы топонимических исследований. – Свердловск, 1986.
14. Селищев А.М. Из старой и новой топонимии // Избранные труды. – М., 1968. – С. 45–96.
15. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973.
16. Суперанская А.В. Структура имени собственного (Фонология и морфология). – М., 1969.
17. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) // Языковая номинация: (Виды наименований). – М., 1977. – С. 5–85.
18. Чеснокова Л.Д. Имена числительные и имена собственные // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 104–113.
19. Rozwadowski J.M. Wybyr pism. T. III. W-wa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1960.